

Глава 1

Незнакомец, и все еще незнакомец

В тот момент он был самым последним человеком, которого я хотел бы видеть. День был и без того тяжелым, теперь я был уверен - события еще более усугубятся.

И, тем не менее, он был тут. В тот момент, когда он просто заглянул в кафетерий - еще до того, как зайти, пройти к стойке и налить себе соку - мне подумалось: а не спрятаться ли под столом, но я вовремя сообразил, что буду выглядеть, как идиот... Может быть, он меня просто не заметит здесь, в дальнем углу. Я медленно опустил голову и закрыл лицо руками.

Сквозь пальцы я увидел, что он повернулся, оперся о стойку и отпил из стакана, глядя в никуда. Потом, он взглянул в мою сторону, обнаружил, что был не один и с удивленным видом направился ко мне. Господи, почему здесь и почему сейчас?

Сегодняшний день был худшим из всех в нашем долгом и мучительном противостоянии. С трех часов дня, с того момента, когда первый приступ астмы начал удушающее наступление на нашу двенадцатилетнюю дочь, мы боролись за ее жизнь. Сначала, мы все вместе неслись в больницу, с тревогой глядя на то, как она отвоевывает каждый свой вздох. Потом, беспомощно наблюдали за тем, как врачи и медсестры боролись с астмой, подключая к дыханию ее легкие.

Должен отметить, что морально я с этим справляюсь плохо, несмотря на весь свой опыт в этой области. Мы с женой наблюдали за страданиями нашей дочери всю ее жизнь, в непрерывном ожидании очередного приступа, который мог наступить когда угодно, готовые рвануть в больницу, в любую секунду. Я переполняюсь злостью, когда вижу, что она не перестает страдать, а приступы усугубляются, несмотря на все наши молитвы и молитвы других верующих.

Однако пару часов назад лекарства подействовали, и она задышала более спокойно. Жена отправилась домой немного поспать и освободить своих родителей от дежурства, которое они несли в это время с нашим сыном. Я сказал, что останусь в ночь. Андреа, наконец, уснула и я решил, пройтись в при - больничный кафетерий, выпить кофе и немного почитать в тишине. Я был слишком взвинчен, чтобы быстро поддаться сну.

Благодаря Бога за то, что кафетерий был полностью пуст, я налил себе кофе и сел в дальнем темном углу. Внутри было столько, что мысли в голове неровно блуждали, и я не мог сосредоточиться ни на одной. Что я такого мог сделать, что моя дочь так страдает? Почему Бог не обращает внимания на все мои отчаянные молитвы о ее исцелении? Другие родители ворчат о том, как им трудно успевать за всеми «этими детскими занятиями», а я не уверен, переживет ли моя дочь очередной приступ астмы и боюсь за то, что прописанные нам стероиды могут затормозить ее рост.

И как раз в середине очередной волны злости, он то и просунул голову за завесу моей святая святых. Теперь он еще и направлялся к моему столику. И я откровенно подумывал о

том, чтобы заткнуть ему рот кулаком, если он вообще посмеет его открыть. Однако мне было известно, что этого не произойдет. Буря происходила у меня внутри, там, где ее никто не мог видеть.

Ни один человек в моей жизни не принес мне столько крушений планов и надежд, как Джон. Я был так счастлив, когда впервые встретил его, и могу сказать однозначно, что еще не встречал ни одного человека, наделенного такой мудростью, как он. Тем не менее, он не принес мне ничего, кроме горя. С тех пор, как он вошел в мою жизнь, я потерял работу, о которой мечтал всю свою жизнь, был отлучен от церкви, в основании которой я был активным участником 20 лет назад, и даже мой брак подвергался определенной опасности.

Чтобы понять, как я себя чувствовал теперь, нам надо бы отмотать немного назад и вернуться в тот самый день, когда я впервые встретился с Джоном. Невероятное начало этих отношений не шло ни в какое сравнение с тем, через что мне пришлось пройти с тех пор.

Мы с женой только что отметили нашу 17-ю годовщину свадьбы трехдневной поездкой на центральное побережье Калифорнии в Призмо Бич. По пути домой, субботним утром, мы остановились в центре Сан Луис Обиспо, чтобы пообедать и сделать кое-какие покупки. Местный обновленный «Сити», казалось, был любимым местом всего города. В этот солнечный апрельский день народ высыпал на улицы как никогда.

После обеда мы решили разделиться, поскольку объекты нашего с женой внимания весьма разнятся. Я отправился побродить по книжным магазинам, а она – проредить полки подарочных отделов и магазинов одежды. Как раз перед тем, как отправиться к намеченному месту нашего «рандеву», я решил не торопясь разделаться с шоколадным мороженым, и остановился, не найдя ничего лучшего, чем прислониться к стене магазина.

Мое внимание не мог не привлечь спор, разгоревшийся в нескольких метрах от меня выше по улице, между людьми, стоявшими на тротуаре напротив магазина стильной одежды «The Gap». Четверо студентов и два гражданина среднего возраста, жестикулировали, размахивая ярко голубыми листовками. Я видал такие подсунутыми под дворники автомобилей на ветровых стеклах, и валяющимися яркими пятнами в сточных канавах. Это – приглашения на постановки о пламени ада, обычно старательно подготовленные поместными церквями.

«Кто пойдет на эти второсортные представления.....?»

«Я в церковь больше ни ногой.....»

«Бывали, больше не куплюсь, надо бы еще раны залечить от того.....»

С того момента, как я начал прислушиваться к происходящему, ни один из них фактически не закончил ни одной начатой фразы. Они так перебивали друг друга, что, казалось, если один из них не добавит свою каплю яда, то это разорвет его изнутри. «Эти лицемеры думают, что они могут судить меня и .....», «Хотелось бы мне знать, что подумал бы Христос, окажись он сегодня в одной из этих церквей....»

«Я не думаю, что он бы туда пошел, он же .....»

«А если бы он туда попал, он бы там заснул от скуки».

Говорившего заглушил смех.

«А то и умер бы со смеху...»

«Скорее, с горя.....» - добавил один из них, реплика заставила всех замолчать и на мгновение задуматься.

«Как бы он пришел, в костюмчике и.....?»

«Только для того, чтобы спрятать под ним хлыст для произведения небольшой уборки в доме».

Нарастающее волнение привлекало внимание проходивших мимо прохожих, которые замедляли движение, чтобы понять, вокруг чего сыр-бор. Некоторые из них, привлеченные разгорающимися страстями и заинтригованные возможностью побороться вокруг такого сокровенного предмета, как религия, подтягивались, как щенки к миске с вкусным варевом. Кое-кто ходил по кругу, прислушиваясь, а кое-кто даже обращался ко мне с вопросом, что, собственно, происходит.

Спор входил в достаточно развитую фазу, поскольку некоторые присоединившиеся противостояли антицерковным циникам. Упреки слышались там и тут, большинство из которых были мне уже знакомы: роскошество и лицемерие, скучные проповеди и изматывающие бесконечные собрания. Защитники церкви не могли не признать, что «некоторые слабые стороны есть», но как же не заметить то доброе, что производит церковь.

Вот тут-то я его и заметил: возраста непонятного, ему могло быть от сорока до пятидесяти, роста коротковатого – как говорится, метр с кепкой, темные выющиеся волосы, и неухоженная борода, с проблесками появляющейся седины. Его выцветшая толстовка, джинсы, кроссовки и совсем не лощеный вид навели меня на мысль, что он похож на пережиток бурных 60-х, с тем только отличием, что не блуждал тут бесцельно.

Собственно, это и привлекло мое внимание – его твердое, целенаправленное шествие непосредственно к центру разгоревшейся дискуссии. Со стороны было очевидно, что он заметил толпу, нацелился на нее и медленно приближался, с настороженностью немецкой овчарки, уловившей подозрительный звук в ночи. Он прошел сквозь толпу, как нож сквозь масло, в одно мгновение, оказавшись в центре круга и оценив самых шумных возмутителей спокойствия. Когда его взгляд скользнул в мою сторону, я был обескуражен заключенной в нем силой. Он был глубокий и..... живой! Я не мог оторваться. Он, казалось, знал то, чего не знал никто.

К этому времени дебаты ожесточились. Атаковавшие церковь развернули оружие против самого Христа, разоблачая его как самозванца. Это естественно произвело толчок ярости, оживив ту часть толпы, которая выступала за посещение церкви. «Вот подождите, посмотрите ему в лицо и сразу провалитесь в пламя ада!» Мне казалось, что силы противостояния вот-вот столкнутся в битве, когда незнакомец запустил свой вопрос в толпу.

«Похоже, что вы и понятия не имеете о том, кто такой Христос, не так ли?»

Слова слетели с его уст, как свежий ветерок, покачивавший верхушки деревьев у нас над головами, и произвели контрастный эффект, в сравнении с разгоравшимися вокруг страстями. Они были произнесены так тихо, что я, скорее, прочитал их по губам, чем услышал, но эффект на толпу был произведен. Шумные возмущения мгновенно стихли, а разгневанные лица обрели недоуменные выражения. «Это кто сказал?» - вопрос повис в воздухе и в глазах, теперь они смотрели друг на друга по-другому.

Я беззвучно засмеялся – никто даже не смотрел в сторону человека, который только что говорил. Да и не мудрено, его трудно было заметить из-за низкого роста. Но я, то наблюдал за толпой и за ним уже несколько минут, заинтригованный таким необычным поведением.

Пока люди в толпе озирались, он вновь произнес в тишине: «Знаете ли вы, каким он был?»

В этот раз все повернули взгляды вниз, на голос, и были крайне удивлены видом того, кто говорил к ним. Этот еще откуда взялся? Он-то что об этом знает? Невысказанные вопросы усиливали напряженную тишину.

«Ну, а ты- то сам, что об этом знаешь?» - наконец произнес один из них, вложив все свое презрение в каждое слово, и осекшись только тогда, когда неодобрительные взгляды окружающих заставили его замолчать. Он хохотнул и отвел глаза в смущении, будучи рад тому, что внимание толпы вернулось к незнакомцу. Но тот не торопился говорить. Пауза затянулась и перешла всякие границы дозволенного. Начались нервные взгляды, пожимания плечами...., но никто не сказал ни слова и никто не покинул своего места. Все это время незнакомец обводил взглядом лица стоявших в толпе, задерживаясь на каждом доли секунды. Когда он встретился взглядом со мной, во мне, казалось, все растаяло. Я мгновенно отвел глаза. Через некоторое время, в надежде, что он больше на меня не смотрит, я украдкой бросил косой взгляд на него и снова наблюдал за происходящим.

После мучительно долгого молчания он заговорил опять. Его первые слова были произнесены тихо, почти шепотом, и предназначались непосредственно тому, кто страдал всех адовыми муками. «Вы, вероятно, даже и не подозреваете о том, что вами движет». Тон его голоса был печален, он как бы о чем-то умолял, в его обращении не было ни тени гнева. В смущении бывший обвинитель повел руками, скривил губы, как бы показывая, что вопрос ему не понятен. Да и что другого он мог придумать, когда вдруг оказался в центре всеобщего внимания.

Незнакомец не надолго оставил его на обозрение толпы и, оглядывая всех по кругу, начал говорить снова. Слова слетали с губ легко и мягко. «Он был из тех, на ком не задерживается взгляд. Если бы сегодня Он прошел бы по этой улице, никто из вас Его бы и не заметил. Кроме того, человек с таким лицом, как у него не бывает популярен, и уж точно Он не вписался бы в ваше собрание.

«Но Он был самым благородным из всех людей, которых знал мир. Он мог унять клеветников, даже не повышая голоса. Он никогда не шел напролом, никогда не привлекал к себе внимания и никогда не делал вид, что ему нравится то, что его на самом деле раздражало. Он был настоящим до мозга костей.

«И сущностью его была любовь». Незнакомец остановился и покачал головой. «Да! Вот это была любовь!» Его глаза смотрели сквозь толпу. Было похоже на то, что он просто смотрел сквозь столетия и пространства. «Мы и понятия не имели о том, что такое любовь до тех пор, пока не увидели ее в нем. Все, даже те, кто ненавидел его; те, кто не удостаивали его даже малости своего внимания. Он заботился и о них, надеясь, что как-нибудь они все-таки вырвутся из своих избитых собственными руками душ, и поймут, кто стоит теперь среди них.

«И в любви он был абсолютно искренен. Даже тогда, когда его слова и действия обличали самые темные побуждения людей, они не чувствовали порицания. С ним все ощущали себя в безопасности. В его словах не было и намека на осуждение, а просто мольба: придите к Богу и он освободит вас. Никому другому вы так скоро не доверили бы свои тайны. И если бы вашим грязным делишкам надлежало открыться во всей красе пред глазами кого-либо, вы предпочли бы, чтобы это был он.

«Он не тратил понапрасну время на высмеивание ни людей, ни их религиозных заблуждений». Он посмотрел на тех, кто только что был занят именно этим. «Если у него было, что сказать, он говорил это и шел дальше, а вы вдруг ощущали, что вот она эта любовь, та, которую вам никто доселе не являл». На этом незнакомец прервался – закрытые глаза и стиснутые зубы говорили о том, что он пытался подавить слезы так усердно, словно они могли растопить его изнутри.

«И я не говорю вам теперь о слюнявом сентиментализме. Он любил, и по-настоящему любил – будь кто из вас фарисеем или проституткой, учеником или слепым нищим, евреем, самаритянином или язычником – его любовь могла объять всех. И многие прилеплялись к этой любви, когда видели его. Не многие, однако, последовали за ним, но даже те, кто провели с ним недолгое время, спустя многие годы не могли отрицать того, что в те мгновения они испытали нечто такое, чего у них больше не было в жизни. Казалось, что он каким-то образом знал о вас все, и глубоко любил в вас то истинное, что было его собственным творением».

Он замолчал и осмотрел толпу. Она выросла человек на тридцать за последние несколько мгновений, и присоединившиеся не могли оторвать взглядов от этого человека, которого они слушали, в недоумении приоткрыв рты. Я могу сейчас прописать все его слова, но не могу в полноте передать тот эффект, который они произвели. Никто из слушавших не рискнул бы отрицать силы его искренности, исходившей из самой глубины души.

«И когда он висел на том прискорбном кресте, - взгляд незнакомца скользнул по деревьям, раскинувшим над нами свои кроны, - эта любовь все еще струилась и на насмешника, и на разочарованного бывшего друга. Во всем течении времен не было более важного момента, чем тот, когда он приблизился к чертогам смерти, отягощенный битвой с грехом. Его муки – это тот самый канал, по которому Его жизнь струится к вам. Он не был сумасшедшим. Он был Сын Божий, исчерпанный до последнего издыхания ради того, чтобы мы могли жить свободно».

Я был поражен тем, как он говорил о Христе, так мог говорить только человек, который жил с ним рядом. Я даже подумал тогда: «Этот человек – точный портрет того, как я себе мог бы представить Иоанна Богослова».

Не успел я подумать, как он прервался на полуслове, повернулся, как бы отыскивая кого-то в толпе. Внезапно мы встретились взглядами. Я почувствовал, как волосы стали дыбом, а по спине пробежал холодок. Он выдержал взгляд несколько мгновений, затем моментальная, но определенная улыбка пробежала у него по лицу, он подмигнул мне и кивнул.

По крайней мере, так я это теперь вспоминаю. Я был шокирован. Он прочитал мои мысли? Глупо.... Даже, если это и был Иоанн, он не мог читать мысли. Что это я? Как этот человек может быть учеником о двух тысячах лет от роду? Это невозможно!

Когда он отвел взгляд, я обернулся: нет ли кого-либо еще за моей спиной, кто мог быть мишенью такого внимания. Никого не было, более того, никто кроме меня даже и не заметил улыбки и подмигивания. Я был ошарашен, как если бы меня прибило отрекошетившим футбольным мячом. Заряды энергии пробивали меня с каждым новым вопросом, проносившимся в мозгу – однозначно, нужно поподробнее узнать о нем.

Народ прибывал. Все новые и новые слушатели с любопытством пытались понять, где эпицентр происходящего и что, собственно происходит. Даже незнакомец уже не чувствовал себя комфортно, учитывая размах так быстро произведенного эффекта.

«Если бы я был на вашем месте, - сказал он, указав пальцем на тех, кто затеял всю эту дискуссию я бы предпочел потратить гораздо меньше времени на разбор религиозных мировоззрений, но точно бы выяснил, насколько сильно он меня любит». С этими словами он развернулся, прошел сквозь толпившихся как раз в противоположном направлении от меня. Никто не двинулся, не сказал ни слова, в замешательстве – как же закончить беседу и разойтись.

Я попытался прорваться напролом через народ, чтобы пообщаться лично. Неужели - Иоанн? А если нет, то кто он такой? Как он может знать все это и говорить так уверенно об Иисусе Христе?

Пробиваться через толпу и одновременно следить за передвижением Иоанна, было сложно. Я протолкался как раз вовремя, чтобы увидеть, как он повернул в переулок между зданиями. Он направлялся к Бубль-Гум Аллее, кирпичной стене, раскинувшейся на сорок ярдов и соединявшей торговый район с автомобильной стоянкой. Свое название она обрела вместе с тысячами блямбами отжеванных остатков жевательной резинки, наклепываемых на эту самую стену в течение долгих лет. Цветовой ряд создавал картину если не в стиле импрессионизма, то уж точно отдавал гротесковыми веяниями.

Он был всего в четырех с половиной метрах от меня, когда исчез за поворотом, а я утешил себя мыслью, что теперь никто не помешает нашему разговору, поскольку других преследователей не наблюдалось. Я повернул за угол, уже готовый окликнуть незнакомца, но остановился, в изумлении обозревая аллею.

Там никого не было. В полном замешательстве я вернулся на улицу – точно ли он свернул именно сюда? Я смотрел в оба направления, вдоль и поперек, но зеленой толстовки незнакомца нигде не наблюдалось. Ну, он же точно пошел сюда. Я был уверен. Однако не мог же он пролететь сорок ярдов за три секунды, которые мне потребовалось, чтобы свернуть вслед за ним.

Сердце начало бешено биться - неужели я его упустил. В отчаянии я побежал вдоль аллеи мимо ярких бесформенных пятен жевательной резинки. Никаких подворотен, подъездов, в которые он мог бы свернуть. Я ринулся к автомобильной стоянке, одновременно осматривая окрестности – никого.... Несколько человек выходили из своих автомобилей, но ни одного, напоминающего моего незнакомца.

Совершенно озадаченный я побежал назад по аллее на улицу, выглядывая так значимую для меня зеленую толстовку, одновременно вознося молитвы о том, чтобы все-таки внезапно натолкнуться на него, и, заглядывая в окна магазинов и проезжающих мимо машин. Никого..... Он пропал. Я был готов стукнуть себя за то, что упустил его тогда, когда он был так близко.

В конце концов, я сел на скамейку, слегка в недоумении от всего произошедшего. Я сдавил лоб ладонями, пытаюсь собраться с мыслями. Но они скакали в моем мозгу совершенно беспорядочно: кто это был и куда он делся? Его слова обострили уже давно созревший голод в глубине моей души, при воспоминаниях о его подмигивании холодок пробежал у меня по спине.

Я был уверен в том, что никогда больше не увижусь с этим незнакомцем, и полагал, что можно будет отнести произошедшее к тем невероятным явлениям в жизни, которые просто не поддаются объяснению.

Как далек я был от истины.....